

6+

ШЕЙЛЕСТ

ТУМАН

КНИГА ПЕРВАЯ

Светлана Шейл
Туман. Книга первая
серии «Шейлест»

<https://litres.ru/74156388>

ISBN 9785007029285

Аннотация

Воскресное утро. Туман во дворе пахнет тёплым молоком с мёдом. Кира и её младший брат Сева делают три шага в белую пелену — и оказываются в Шейлесте, городе в гигантских деревьях, где десять лет назад остановилось время. Их ждали. Десять лет — одного существа звали Хост — ждали именно их.

Содержание

ШЕЙЛЕСТ	5
Книга первая	5
Светлана Шейл	6
От автора	7
Глава 1. Туман	8
Глава 2. Город в деревьях	18
Глава 3. Ночлег	28
— И?	34
Глава 4. Странный праздник	38
Глава 5. Те, кто устал	46
— И?	50
Глава 6. Библиотека	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Туман
Книга первая
серии «Шейлест»

Светлана Шейл

© Светлана Шейл, 2026

ISBN 978-5-0070-2928-5 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-2929-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ШЕЙЛЕСТ ТУМАН

Книга первая

Светлана Шейл

От автора

Каждый вечер мы с дочкой садились на край кровати и фантазировали. Не читали — именно придумывали. Она говорила: «Мам, а давай сегодня лес будет живой?» И лес ожидал.

Кире было семь, когда она начала записывать наши истории. От руки, перьевой ручкой, в обычной тетради. Одна книга, потом вторая. Потом она бросила — и через несколько месяцев просто открыла тетрадь и продолжила. Как будто история ждала.

Однажды я прочитала то, что она написала. И поняла: это больше, чем сказка на ночь. Там был целый мир — с правилами, героями и вопросами, на которые она искала ответы.

Я сказала: «Давай напишем серию — вместе?»

Она согласилась. И вот вы держите в руках то, что получилось: её мир — моими словами. История, которую придумала девочка семи лет, а записала её мама.

Кира придумывает. Я записываю. Иногда мы спорим. Она обычно побеждает.

Глава 1. Туман

Я до сих пор помню запах того утра. Тёплое молоко с мёдом — прямо посреди двора.

Меня зовут Кира, мне почти одиннадцать. Через два месяца будет день рождения, но я уже сейчас говорю «почти», потому что десять — это как-то несерьёзно, а вот одиннадцать — совсем другое дело.

Мой младший брат Сева так не считает. Ему только исполнилось десять, и он ужасно этим гордится. Ходит и всем говорит: «Мне уже десять!» Как будто это какое-то достижение.

В то утро мы проснулись рано. Не потому что хотели — было воскресенье, а по воскресеньям мама всегда затевает уборку. Пылесос в семь утра — отличный будильник.

— Может, погуляем? — предложил Сева, когда мы позавтракали.

Я посмотрела в окно. Странно. За стеклом ничего не было видно — сплошная белая пелена.

— Туман, — сказала я.

— Ну и что? — Сева уже натягивал кроссовки. — Туман — это интересно. Как в фильмах про привидения.

— В фильмах про привидения все плохо заканчивается.

— Не-а. В конце привидения оказываются добрыми.

Спорить с Севой бесполезно. Он всегда найдёт, что отве-

тить. Даже если ответ — полная ерунда.

Мама отпустила нас легко. Только сказала не уходить далеко и вернуться через час. Я посмотрела на часы в телефоне: 9:18.

На улице туман оказался ещё гуще, чем выглядел из окна. Наш двор — обычный, с качелями и тремя скамейками — словно исчез. Качели торчали из белой пелены, песочница пропала, а дальше не было видно ничего.

— Круто, — выдохнул Сева.

— Странно, — сказала я.

Туман пах как-то необычно. Не сыростью, не дождём. Чем-то сладким, что ли. Как если бы кто-то разлил в воздухе тёплое молоко с мёдом.

— Пойдём туда. — Сева показал в сторону, где обычно была детская площадка.

— Там ничего не видно.

— Вот и проверим.

Он пошёл вперёд, и я за ним. Через три шага я поняла, что не вижу дом. Обернулась — белая стена. Туман был везде.

— Сева, подожди.

Он остановился. Тоже обернулся. Тоже увидел — ничего.

— Ой, — сказал он.

— Давай держаться вместе, — я протянула руку.

Сева взял мою ладонь. Его рука была тёплой и немного влажной, как всегда, когда он нервничает. Хотя он никогда не признается, что нервничает.

— Идём обратно, — сказала я.

Мы пошли, но дом не появлялся.

Десять шагов. Двадцать. Тридцать.

Под ногами был асфальт, дальше трава, потом снова асфальт. Качели мы так и не нашли. Песочницу тоже.

— Кира, — голос Севы стал тихим. — Мы, кажется, заблудились.

— Во дворе? — я хотела, чтобы это прозвучало как шутка. Не получилось.

Туман вокруг нас стал ещё гуще. Таким густым, что я перестала видеть собственные ноги. Только рука Севы — тёплая, крепкая — напоминала, что я не одна.

И тут туман начал светиться.

Сначала чуть-чуть, как если бы где-то за облаками включили лампу. Всё ярче. Белый свет превратился в золотистый, следом — в зелёный.

— Сева...

— Вижу, — прошептал он.

Свет стал таким ярким, что я зажмурилась. Сева сжал мою руку сильнее.

А потом мы упали.

Точнее, не упали — нас словно мягко опустили на что-то. Я открыла глаза.

Тумана не было.

Мы сидели в траве. Она доставала бы мне до пояса, если бы я встала — такая высокая, а вокруг...

— Это что, деревья? — спросил Сева.

Это были деревья, но такие огромные, что я даже не сразу поняла, что это деревья. Стволы толщиной с наш дом. Нет, толще. Как десять домов, поставленных друг на друга. Верхушки терялись где-то в небе — так высоко, что голова закружилась смотреть.

— Где мы? — Сева встал, не отпуская мою руку.

Я тоже встала. Посмотрела вокруг.

Гигантские деревья уходили во все стороны. Между ними поблёскивало — лестницы? Мосты? Я прищурилась. В стволах темнели окна, кое-где виднелись двери — и даже балконы с перилами из веток.

Там кто-то жил. Только странно тихо. Город с домами и окнами, но ни голоса, ни стука. Даже ветер между стволами будто замер на полпути.

— Это не наш двор, — сказал Сева. Голос у него был странный — не испуганный, но и не спокойный.

— Спасибо, капитан Очевидность.

Я хотела пошутить, но шутка вышла кривая. Потому что это правда был не наш двор, и не какой-нибудь другой двор, и вообще не двор.

Где-то наверху что-то скрипнуло. Я задрала голову — между стволами тянулись верёвочные мостики, как в парке приключений. Только в сто раз выше и в сто раз страннее. По одному из мостиков кто-то шёл, но так далеко, что не разглядеть.

— Кира, — Сева потянул меня за рукав. — Там.

Он показывал не вверх, а вбок. Между двумя толстенными корнями белело пятно.

Сначала я подумала — камень, или гриб. Тут такие деревья, почему бы не быть гигантским грибам? Но потом белое шевельнулось, и я увидела пятна. Чёрные. На белом.

— Корова? — прошептал Сева.

Существо вышло из-за корня. Не корова, и не лошадь. Что-то среднее. Белое в чёрные пятна. Без рогов. Грива и хвост — лошадиные, а вот морда точно коровья. Глаза огромные, тёмные, ресницы такие длинные, что я позавидовала.

Оно смотрело прямо на нас.

Я замерла. Сева тоже. Существо не двигалось — просто стояло и смотрело. Будто чего-то ждало.

— Может, оно не опасное? — прошептал Сева. — Коровы же не опасные.

— Это не корова.

— Ну, полукорова. Полулошадь. Коровалошадь.

Существо фыркнуло. Точнее, не фыркнуло — издало звук, похожий на «пф-ф-ф». Словно рассмеялось.

— Ты видела? — Сева сжал мою руку. — Оно как будто поняло.

— Не говори ерунды.

Но я тоже видела. Существо смотрело на нас с каким-то... выражением. Не как животное смотрит. По-другому.

Оно открыло рот и замычало.

«Му-у-у-у».

Обычное коровье мычание. Ничего особенного. Только вот я почему-то услышала не просто «му». Я услышала слова.

«Вы настоящие?»

Я моргнула. Что?

Сева дёрнулся:

— Ты это слышала?

— Слышала что?

— Она сказала «вы настоящие».

Существо снова замычало, и снова я услышала слова там, где должно быть просто мычание:

«Из тумана. Вы пришли из тумана. Я видела свет».

— Оно разговаривает, — сказал Сева. Не испуганно — скорее удивлённо. Это Сева-то испугался бы говорящей коровы? Ага, конечно.

— Не «оно», — вырвалось у меня. — Она.

Почему я так решила — не знаю. Может, из-за глаз, или из-за того, как она на нас смотрела.

Существо — она — сделала шаг к нам. Потом ещё один. Трава шуршала под её копытами. Обычными копытами, как у коровы.

«Десять лет».

— Что — десять лет? — спросил Сева.

«Я родилась, когда был туман. Давно. Десять лет. Туман

искал кого-то, но никто не пришёл, а я родилась».

Она остановилась в двух шагах от нас — близко, можно дотронуться. Шерсть выглядела мягкой, а в глазах было что-то такое... Не грусть — скорее долгое ожидание.

— Подожди, — я подняла руку. — Ты нас понимаешь?

Существо кивнуло. По-человечески кивнуло — вверх-вниз.

— И мы тебя понимаем, — медленно сказала я. — Но ты же мычишь?

«Для других — мычу. Для вас — говорю».

— Для каких других?

Существо переступило с ноги на ногу. Копыто глухо стукнуло о корень.

«Для всех. Местные меня не понимают. Никогда не понимали. Я думала — может, я сломанная. Неправильная».

Она замолчала. В её голосе было что-то такое... Одиночество? Столько лет — и никто тебя не понимает. Даже представить страшно.

— Но откуда ты знала, что мы придём? — спросила я.

«Свитки. Старые свитки в библиотеке. Я ходила туда, когда никого не было, и читала. Там написано — когда придут те, из тумана, они услышат».

Сева шагнул к ней. Просто взял и шагнул — к незнакомому существу в незнакомом мире. Это Сева-то чтобы постоял и подумал? Ага, конечно.

— Тебя как зовут? — спросил он.

Существо моргнуло. Длинные ресницы дрогнули.

«Хост».

— Хост, — повторил Сева. — А я Сева. Мне десять лет.

Он улыбнулся. Хост смотрела на него несколько секунд, а потом сделала что-то странное — ткнулась носом ему в плечо. Легонько. Как кошка, которая просит, чтобы её погладили.

«Мне тоже десять».

— Правда? — Сева засмеялся. — Мы ровесники!

Я стояла и смотрела на них. Мой брат разговаривает с коровой-лошадью, которая мычит, но мы её понимаем. В лесу из гигантских деревьев с домами в стволах.

Нормальное воскресное утро.

— Хост, — я постаралась, чтобы голос звучал спокойно.

— Где мы?

Она подняла голову. Посмотрела на меня своими огромными глазами.

«Шейлест. Вы в Шейлесте».

— Шей-лест, — я попробовала слово на вкус. Странное название — но красивое.

«Город-лес. Город в деревьях. Вы же видели — там живут».

— Видели, — кивнул Сева. — А кто там живёт?

«Все. Разные. Вы увидите».

Она замолчала. Точно хотела добавить, но не решалась.

— Что? — спросила я.

«Вы ведь поможете?»

— Поможем с чем?

Хост опустила голову. Её хвост — лошадиный, с длинными волосами — качнулся.

«С бедой. С тем, что случилось. Туман приходит, когда беда. Тогда — туман. Сейчас — снова туман. Значит, нужна помощь. Свитки говорят — придут двое, из другого мира. Помогут».

Двое. Из другого мира.

Мы с Севой переглянулись.

— Ты про нас? — спросил он.

Хост кивнула.

«Больше некому. Больше никто не пришёл».

Над нами заскрипели мостики. Где-то вдалеке что-то звякнуло — колокольчик? Ветер? Трава вокруг шуршала, высокая и чужая, совсем не похожая на газон во дворе.

— Какая беда? — спросила я.

Хост подняла голову и посмотрела наверх, туда, где в стволах светились окна.

«Время. Время сломалось».

Я полезла в карман за телефоном — проверить время. Мама сказала вернуться через час, а прошло сколько? Экран был чёрный. Я нажала кнопку — ничего. Телефон не работал.

Мы даже не знали, который час, а «Время сломалось» звучало всё хуже и хуже.

Домой мы вернёмся нескоро.

Глава 2. Город в деревьях

Хост пошла первой. Не оглядываясь — точно знала, что мы пойдём за ней.

И мы пошли, а что ещё оставалось?

Трава доставала мне до пояса и шуршала при каждом шаге — громко, густо, будто кто-то шёл рядом и шептал. Я всё время оборачивалась, но сзади никого не было. Только трава, трава — и деревья где-то впереди.

— Хост, — позвал Сева. — А далеко идти?

«Нет. Ближе. Увидите.»

— А кто там живёт?

«Разные. Увидите.»

Сева посмотрел на меня и пожал плечами. Мол, ладно, увидим.

Я хотела спросить про время — что значит «сломалось», как это вообще возможно, и при чём тут мы, — но Хост шла быстро, а на вопросы оставалось мало дыхания. Земля под травой была мягкая, пружинила, как матрас. Пару раз я чуть не споткнулась о корни, которые выныривали из-под земли — толстые, узловатые, похожие на руки.

Деревья приближались. Сначала я видела только стволы — тёмные, бурые, в глубоких бороздах коры. Потом стволы стали шире. Ещё шире, и когда мы наконец вышли из травы на утопанную землю, я остановилась.

Не деревья. Дома. Нет — целый город.

Прямо передо мной в стволе зияла дверь. Обычная деревянная дверь, только высотой метра три — и с бронзовой ручкой в форме листа. Рядом — ещё одна, поменьше, с табличкой из коры, на которой было что-то нацарапано буквами, каких я никогда не видела. Над дверями — окна. Круглые, вырезанные прямо в живом дереве, с настоящими рамами и ставнями. Ещё выше — балконы. На одном сушилось бельё. На другом стоял горшок с цветком — бледным, не то розовым, не то серым, как будто цвет из него выцвел.

— Ничего себе, — выдохнул Сева.

Я задрала голову. Окна, балконы, лесенки — всё это тянулось вверх, пока не терялось в зелени, а между деревьями — мосты. Десятки мостов: верёвочных, деревянных, с перилами и без. Одни узкие, как тропинки, другие — широкие, с фонарями по бокам, и по одному из них кто-то шёл — маленькая фигурка, которую отсюда, снизу, было не разглядеть.

Пахло корой и смолой, а откуда-то сверху тянуло хлебом — тёплым, свежим.

— Тут правда живут? — спросила я.

«Живут. Давно. Может, сто лет. Может, больше. Никто не помнит, когда начали.»

Хост остановилась перед площадкой у основания дерева. Земля здесь была выложена плоскими камнями, а в центре стояла корзина. Огромная, плетёная, привязанная толстыми

канатами к чему-то наверху, спрятанному в стволе. Канаты уходили в щель в коре и там исчезали.

— Это лифт? — спросил Сева.

«Корзина. Поднимает наверх.»

— Лифт, — повторил Сева уверенно. — Лифт в дереве.

Он уже шагнул к корзине, но тут из-за ствола вышел кто-то, и Сева замер.

Это был барсук.

Не из мультика и не из книжки про зверей. Настоящий — с серой мордой, чёрными полосками от носа к ушам и маленькими тёмными глазами. Только он ходил на двух ногах, и носил фартук — кожаный, потёртый, с карманами, из которых торчали верёвки и какие-то железки, а ростом он был мне по плечо.

Барсук посмотрел на нас. Мы посмотрели на барсука.

— Что это? — сказал барсук. Голос у него был хриплый и ворчливый, как у дедушки, которого разбудили не вовремя. — Вы кто такие?

Я открыла рот. Закрыла. Потому что — ну, а что скажешь? «Мы из другого мира, пришли через волшебный туман»?

Сева сказал.

— Мы из другого мира. Пришли через туман. Мне десять лет.

Барсук моргнул. Уставился на Севу, потом на меня, на наши руки — пальцы без когтей, без шерсти. Потом посмотрел

на Хост. Хост замычала.

— Тьфу, — сказал барсук. — Опять эта бродячая. Ну-ка, кыш отсюда.

Он махнул лапой в сторону Хост. Как на кошку, которая мешается под ногами.

В животе стало горячо. Он только что сказал «кыш» существу, которое столько лет ждало помощи. Которое читало свитки и думало, что оно сломанное. Которое наконец-то нашло тех, кто его слышит.

— Она с нами, — сказала я.

Барсук поднял то, что заменяло ему брови.

— Она? Это — с вами?

— Да. Она с нами, и её зовут Хост.

Барсук покрутил головой и пробормотал что-то себе под нос. Я расслышала только «обалдели» и «скотину на площадку».

Хост стояла неподвижно. Хвост не двигался. Голова чуть опущена. Она даже не пыталась замычать — давно привыкла. Всё это время — привыкала.

— Ладно, — буркнул барсук, кивнув на корзину. — Наверх?

— Да, — сказал Сева. — Все трое.

Барсук вздохнул так, мы лично испортили ему весь день. Потом отодвинул плетёную заслонку.

— Залезайте, но если эта натопчет — сами мыть будете.

Корзина скрипнула, когда мы забрались внутрь. Хост за-

прыгнула первой — легко, привычным движением. Пол из плетёных прутьев пружинил под копытами. Сева полез следом, я зашла последней.

Барсук потянул рычаг на стене. Внутри ствола что-то загудело, зашуршало — словно внутри крутились шестерёнки — не железные, деревянные. Корзина дрогнула и медленно поползла вверх.

Земля уходила вниз. Мимо проплывали ступеньки, вырезанные в коре, окна с тёмными стёклами, двери — одна за другой, каждые три-четыре метра. Целые этажи внутри живого дерева. Я тронула стенку ствола — кора была тёплой, гладкой — отполированной тысячей ладоней.

— Как в лифте, — сказал Сева. — Только без кнопок, и без музыки.

«Тут нет музыки. Давно нет.»

Я посмотрела на Хост.

— Давно — это десять лет?

Она кивнула.

Корзина остановилась с глухим стуком. Заслонка открылась — и мы вышли на мост. Я схватилась за перила — ветка кольнула большой палец. Заноза. Мелкая, острая.

У меня перехватило дыхание.

Мост был широкий, деревянный, с перилами из переплетённых веток. Он тянулся от ствола к стволу — метров двадцать? тридцать? — и слегка покачивался, как качели, если встать посередине, а между деревьями открывалось всё.

Город. Настоящий город, только в воздухе.

Мосты шли во все стороны, как паутина — одни прямые, другие изгибались вокруг стволов. На некоторых стояли лотки с товаром, накрытые тканью. Между стволами висели фонари на верёвках — десятки, может, сотни — и ни один не горел. Двери в стволах вели куда-то вглубь, и за некоторыми угадывались комнаты, мастерские, может быть — лавки.

По мостам ходили жители.

Первой я заметила лису — в камзоле с медными пуговицами, она подметала доски. Мимо прокатил тележку ёж в жилетке, мешковина на тележке топорщилась. Две белки в одинаковых платьях тащили корзину — одна спереди, другая сзади, — а у перил стояла сова в круглых очках и щурилась вниз.

Все — на двух ногах, в одежде, и все чем-то заняты.

И ни один не улыбался.

— Почему все такие... — я не успела закончить.

«Уставшие?»

— Да.

«Десять лет одно и то же. Каждый день — одно и то же.

Ты бы тоже устала.»

Мы пошли по мосту. Доски поскрипывали под ногами — негромко, но как-то тоскливо, точно и мост устал. Жители косились на нас — на странных существ без шерсти и хвостов. Ёж обогнул нас, не сказав ни слова. Белки прошмыгнули мимо, не подняв голов.

— Здравсьте, — сказал Сева лисе с метлой.

Лиса подняла голову. Посмотрела на него. Не удивилась — и это было страннее всего.

— День добрый, — сказала она. Голос ровный, тусклый, как незажжённый фонарь.

И продолжила подметать. Метла скребла по доскам: вжих-вжих-вжих. Одинаковые движения. Одинаковый ритм. Сева открыл рот — наверное, хотел спросить ещё, — но передумал.

«Она подметает каждый день. В это же время. Тем же движением. Десять лет.»

— Она не может перестать? — прошептал Сева.

«Может, но завтра начнёт снова. Потому что завтра будет такое же, как сегодня. Всегда.»

Мы прошли мимо мастерской с открытой дверью. Внутри — полки, ровные, аккуратные. На каждой стояли глиняные горшки. Десятки. Все одного размера, одного цвета, с одинаковым рисунком — завитушка, листок, завитушка. Ни одного нового, ни одного другого.

«Мастер Шип. Лучший гончар Шейлеста. Десять лет делает одни и те же горшки. Не может ничего другого — время не пускает.»

Я остановилась.

— Как это — не пускает?

Хост повернула ко мне морду. Глаза большие, тёмные, без дна.

«Время не остановилось. Застряло. Как колесо в грязи — крутится, но на месте. Дни идут, а ничего не меняется. Можно ходить, разговаривать, делать горшки, но нельзя сделать что-то новое. Нельзя вырасти. Нельзя измениться.»

Я посмотрела на горшки. На метлу лисы. На фонари, которые никто не зажигал.

Время не замёрзло — оно заиклилось. День за днём — но каждый день копия предыдущего. Можно двигаться. Можно дышать, но нельзя стать другим.

Десять лет в одном и том же дне.

В горле стало тесно, слова застряли где-то внутри и не хотели выходить.

— Это как... — Сева нахмурился, он всегда так делает, когда пытается сформулировать что-то серьёзное. — Как будто кто-то нажал «повтор» на видео, и забыл выключить.

«Повтор. Хорошее слово.»

— И все знают? — спросила я. — Все понимают, что это повтор?

«Знают. Помнят, но ничего не могут сделать.»

Хост подошла к перилам. Отсюда было видно далеко — мосты, стволы, тёмные окна, бельё на балконах. Где-то внизу барсук возился с канатами. Город на сотни жителей — а звуков как в пустой квартире. Ни смеха, ни крика, ни музыки.

«Видишь фонари?»

Я кивнула. Незажжённые, на провисших верёвках.

«Раньше горели каждый вечер. Весь город светился —

оранжевый, тёплый. Было видно с земли, из травы. Красиво.»

Хост помолчала. Хвост качнулся — медленно, тяжело.

«Потом перестали зажигать. Зачем, если следующий вечер будет такой же?»

Сева подошёл ко мне. Рука влажная — я почувствовала, когда он тронул меня за локоть.

— Кира, — сказал он тихо. — Мы же поможем, да?

Я посмотрела на него. Мой брат, которому десять. Который только сегодня натягивал кроссовки и шёл в туман, потому что «интересно». Который первым шагнул к Хост — к незнакомому существу в незнакомом мире.

— Мы даже не знаем как, — сказала я.

— Ну и что? Разберёмся.

Это Сева. «Ну и что? Разберёмся.» Как будто починить сломанное время — то же самое, что собрать конструктор.

Хост смотрела на нас. В её глазах я увидела то, чего раньше не замечала. Не ожидание — Хост ждала целую вечность, она давно знает, как выглядит ожидание. Другое.

Может, впервые за всё это время — доверие.

«Идёмте. Покажу, где переночуем. Скоро стемнеет.»

Она пошла вперёд по мосту. Копыта стучали по доскам — тук-тук-тук.

Я посмотрела вниз, на далёкую землю. Вверх — на фонари, которые никто не зажигает. На Севу, который уже шёл за Хост, засунув руки в карманы, точно гулял по нашему двору.

Десять лет. Одни и те же горшки на полках. Одна и та же метла по утрам. Фонари, которые больше не горят, потому что зачем — завтра будет такое же.

Мы пошли за Хост.

Глава 3. Ночлег

Город темнел. Не как дома, когда включаются фонари и всё становится оранжевым, — а по-настоящему. Тени ползли по мостам, заливали стволы, и скоро единственным светом остались редкие окна в деревьях. Тусклые, жёлтые, похожие на глаза, которые вот-вот закроются.

Фонари так и не зажгли.

Хост свернула с главного моста на боковой — узкий, без перил, с досками, которые разъезжались под копытами. Я вцепилась в верёвку, натянутую вместо ограждения. Верёвка была сырая и пахла плесенью.

— Далеко ещё? — спросил Сева. Он шёл впереди меня и ни за что не держался. Конечно.

«Нет. Вон там.»

Хост кивнула куда-то вбок. Я прищурилась. Между двумя стволами, ниже основных мостов, виднелось что-то тёмное — то ли платформа, то ли балкон, то ли просто выступ коры.

Мы спустились по лесенке — шаткой, с перекладинами из необструганных веток — и оказались на небольшой площадке. Она была зажата между стволами, как гамак между деревьями в парке, только из дерева и плетёных прутьев.

Укрытие Хост.

Я ожидала... не знаю чего. Пещеры? Норы? Чего-то мрачного и одинокого?

Было не так. Площадка оказалась уютной — насколько уютной может быть площадка на дереве в чужом мире. Справа — навес из коры, под которым лежала куча сухих листьев, мягких и пахнувших чем-то горьковатым, вроде чая. Слева — подобие полки, вырезанной прямо в стволе. На ней стояли глиняная миска, кружка с отколотым краем и стопка чего-то, что выглядело как свёрнутые пергаменты.

— Это свитки? — я кивнула на стопку.

«Из библиотеки. Я... — Хост замялась. — Я брала почитать. Когда никого не было. Они всё равно не замечают.»

Я представила: ночь, пустая библиотека, и Хост — одна, при свете чего-нибудь — читает свитки копытами. Как она их вообще разворачивает?

— А ты умеешь читать? — вырвалось у меня.

Хост посмотрела на меня. Чуть склонила голову набок — это выглядело обиженно.

«Умею. Я умная.»

— Нет, я не... — Я почувствовала, как щёки стали горячими. — Просто у тебя же копыта. Как ты переворачиваешь страницы?

«Губами, и языком. Долго, но я никуда не спешу.»

Сева уже устраивался на листьях. Сел, потом лёг, подсунул руку под голову. Как дома на диване.

— Мягко, — сообщил он. — Нормально. Как спальный мешок, только из листьев.

Я села рядом. Листья действительно были мягкие — су-

хие и тёплые, как будто впитали в себя всё дневное солнце. Хост легла у края площадки, подогнув ноги, — по-коровьи, аккуратно. Её бок медленно поднимался и опускался.

Стало тихо. По-настоящему тихо — не как в квартире, когда за стеной сосед включил телевизор и «тихо» — это просто «негромко», а вот так: ни голосов, ни шагов, ни музыки. Только ветер в кроне где-то высоко-высоко и негромкий скрип дерева — оно покачивалось, как корабль.

— Мама, — сказал Сева.

Я вздрогнула.

— Что?

— Мама сказала — час, а мы тут сколько? Три часа? Четыре?

Я полезла в карман. Телефон. Чёрный экран. Нажала кнопку — ничего. Мёртвый. Я нажала ещё раз, подержала, потрясла — ничего.

— Не работает.

— У меня тоже. — Сева достал свой. Тоже чёрный. — С самого начала.

«Ваши вещи тут не работают. Из вашего мира — ничего не работает.»

— Мама будет волноваться, — Сева сказал это тихо. Не жалобно — просто как факт, но рука, которой он держал телефон, чуть дрожала.

Я хотела сказать «не бойся» или «всё будет хорошо», но оба варианта были враньём. Я не знала, будет ли хорошо. Я

не знала, волнуется ли мама прямо сейчас, стоит ли у окна, звонит ли нам на телефоны, которые лежат мёртвые в наших карманах.

— Мы вернёмся, — сказала я. Потому что это было единственное, что я могла сказать и не соврать. Мы вернёмся — это не обещание, что всё хорошо. Это обещание, что мы будем стараться.

Сева кивнул и убрал телефон в карман.

Хост подняла голову.

«Время.»

— Что — время?

«Пока вы здесь — ваше время стоит. Так в свитках написано. Те, кто из тумана, — их время ждёт.»

Я моргнула.

— То есть... дома сейчас всё ещё 9:18?

«Я не знаю точно, но свитки говорят — ждёт. Не идёт, пока вы тут.»

Сева сел.

— Правда?

Хост кивнула.

— То есть мама не волнуется? — Сева почти засмеялся.
— Она даже не заметит, что мы ушли?

«Если свитки правы — нет.»

Сева повалился обратно на листья.

— Круто. Тогда нормально.

Я не была так уверена. «Если свитки правы» — это не то

же самое, что «точно», но в животе стало чуть теплее. Хотя бы немного.

Ветер качнул площадку. Скрип-скрип — как колыбель. Где-то далеко, в глубине города, хлопнула дверь. Потом тишина.

— Хост, — я легла на спину и смотрела вверх. Сквозь щели в навесе видно было небо — не чёрное, а тёмно-синее, густое. Звёзд не было, или были, но за кронами не разглядеть. — Расскажи про беду. Ты говорила — время сломалось. Кто его сломал?

Хост помолчала. Я уже привыкла — она не торопилась отвечать. Сначала думала, потом говорила.

«Тот, кто живёт за городом. В лесу, далеко. Его называют... — Она замолчала. Переступила передними ногами, будто слово было тяжёлым. — Временной Волк.»

— Волк?

«Не обычный волк. Большой. Очень большой, и он умеет... трогать время. Двигать. Останавливать.»

— И он его остановил?

«Застопорил. Зациклил. Десять лет назад что-то случилось, и он...»

Хост опустила голову. Хвост прижался к боку — я уже заметила, что она так делает, когда ей тяжело.

«Я не знаю, почему. В свитках не написано. Только что он это сделал, и что придут двое из тумана и помогут.»

— А Король? — спросил Сева. Я думала, он уснул, но

нет — лежал с открытыми глазами и слушал. — Хост, ты говорила, тут есть король. Он что, не может ничего сделать?

«Король-Олень. Живёт наверху, в самых высоких ветвях. Дворец.»

— И?

«И ничего. Говорит — всё хорошо. Говорит — скоро пройдёт. Десять лет говорит. Ничего не делает.»

Голос Хост дрогнул. Не злость — разочарование. Как когда взрослый обещает что-то и не делает. Раз, другой, третий, а потом перестаёшь верить.

— А ты ему не веришь? — спросила я.

«Я не знаю, чему верить. Я знаю свитки. Свитки говорят — придут двое. Вы пришли.»

Она сказала это просто, без пафоса. Как факт. Пришёл туман — родилась Хост. Пришёл туман снова — пришли мы. Свитки правы. Вот и всё.

— А что в свитках ещё написано? — спросила я. — Кроме «придут двое»?

«Много чего, но я не всё поняла. Трудные слова. Старые. Нужно в библиотеку — там больше свитков, и они... яснее.»

— Библиотека, — повторила я. — Тут есть библиотека?

«Большая. В самом толстом дереве. Там свитки от пола до потолка. Я ходила ночами, когда все спали.»

Я представила: тёмная библиотека, свитки на полках, и Хост между ними — разворачивает пергаменты губами, читает при лунном свете. Столько лет — одна, без друзей, только свитки и надежда, что когда-нибудь придёт туман.

— Завтра пойдём, — сказала я.

Хост повернула ко мне голову.

«В библиотеку?»

— Да. Если там есть ответы — надо их найти.

«Днём нельзя. Там библиотекарь.»

— И что?

«Он меня не пускает. Я для него — животное. Бродячая.

Ему и в голову не придёт, что я умею читать.»

— А мы? — спросил Сева. — Нас-то пустит?

Хост задумалась. Уши чуть повернулись — вперёд, потом назад.

«Может быть. Вы... другие. Таких тут не было никогда. Может, пустит. Из любопытства.»

— Значит, идём, — сказал Сева и зевнул. Широко, как кот. — Завтра. В библиотеку. Ищем свитки. Спасаем мир. Нормальный план.

Он перевернулся на бок и через минуту засопел. Вот так — просто взял и уснул. В чужом мире, на листьях, на дереве.

Я не могла.

Лежала и слушала. Скрип дерева. Дыхание Севы. Тихое, ровное дыхание Хост рядом. Где-то далеко — или высоко? — кто-то прошёл по мосту, и доски простонали.

— Хост, — прошептала я. — Ты не спишь?

«Нет.»

— Можно спросить?

«Можно.»

Я помолчала. Вопрос крутился в голове с того момента,

как барсук сказал «кыш». С того момента, как Хост опустила голову и не стала ничего говорить.

— Тебе тут всегда так? Как с барсуком?

Тишина. Долгая. Я уже подумала, что она не ответит.

«Да. Всегда.»

— Десять лет?

«Десять лет. Для них я — животное. Бродячая. Которая путается под ногами. Мычит и мешает.»

— Но ты же разумная. Ты читаешь. Ты думаешь.

«Они не знают. Для них я мычу. Просто мычу.»

Я лежала и смотрела в тёмное небо. Пыталась представить. Всё это время — и никто не знает, что ты существуешь. Не как тело, не как бродячая скотина — а ты. Мысли, слова, чувства. Всё это есть — но никому не слышно.

— Это несправедливо, — сказала я.

«Знаю.»

— Мы будем говорить за тебя. Пока не разберёмся, почему так. Ладно?

Хост не ответила, но я услышала, как она придвинулась ближе. Её бок был тёплый — я почувствовала через рукав.

Потом она тихо замычала. Не слова — звук. Тёплый, мягкий, похожий на колыбельную.

Я закрыла глаза.

Где-то высоко над нами, над мостами и кронами и незажжёнными фонарями, ветер шевелил листья. Шелест. Шиши-ши. Словно деревья шептались между собой о чём-то,

чего мы пока не знали.

Последнее, что я услышала перед сном, — далёкий звук. Колокол. Один удар — гулкий, низкий, как будто кто-то ударил по дну огромной бочки. Он прокатился по городу и затих.

«Колокол, — прошептала Хост. — Каждый вечер. Один и тот же удар. Завтра утром будет ещё один — и начнётся всё сначала. Как всегда.»

Я хотела спросить — что начнётся? Но сон уже тянул меня вниз, в темноту, мягко, как туман, из которого мы пришли.

Глава 4. Странный праздник

Я проснулась от колокола.

Один удар — тот же, что вчера вечером. Гулкий, тяжёлый. Только теперь он был громче, будто колокол приблизился за ночь.

Сева сидел рядом и тёр глаза.

— Это будильник? — спросил он.

«Утренний колокол, — ответила Хост. Она уже стояла, повернув голову к городу. Уши развёрнуты вперёд. — Каждое утро. Один удар. Начало дня.»

Я села. Листья прилипли к щеке и к волосам — пришлось выковыривать. Утренний воздух был прохладный и пах смолой, а в просвет между стволами бил солнечный свет — косой, золотистый, красивый.

И шум. Откуда-то сверху — с мостов, из города — доносился шум. Не тот мёртвый скрип, что вчера. Другой: голоса, стук, звяканье — и звук, похожий на музыку. Дудка? Сви-рель?

— Что это? — я встала и подошла к краю площадки.

«Праздник.»

— Праздник?

«Каждую неделю. Один и тот же. С тех самых пор.»

Хост сказала это ровно, без выражения. Как расписание уроков.

— Пойдём посмотрим! — Сева уже натягивал кроссовки. Я посмотрела на Хост.

— А библиотека?

«Библиотека подождёт. Во время праздника все на мостах. Библиотека закрыта.»

— Значит, праздник, — сказал Сева и первым полез на лесенку.

Город изменился.

Вчерашние пустые мосты были увешаны гирляндами — длинными, из плетёных колец и цветных лент. Ленты были красные, жёлтые, зелёные — яркие, но если присмотреться, видно, что края истрёпаны и цвет кое-где выцвел до белого. Эти гирлянды вешали не вчера и не на прошлой неделе.

На перилах мостов стояли плошки с чем-то, похожим на кашу, — густую, с ягодами, от которой шёл пар. Запах — сладкий, ягодный, с корицей. Пахло вкусно, и у меня заурчало в животе. Мы же вчера не ели. С самого завтрака дома — молоко с хлопьями, сто лет назад.

— Можно? — Сева уже тянулся к плошке.

«Можно. Еда для всех.»

Сева зачерпнул кашу пальцами — ложки не было. Попробовал.

— Вкусно, — сказал он с набитым ртом. — Только странно. Как будто я это уже ел.

Я попробовала. Каша была тёплая и сладкая, и он был прав — было что-то знакомое, хотя я точно ела её впервые.

Как песня, которую слышал во сне и забыл, а потом узнаёшь.

Мы пошли по мосту к центру города — туда, откуда шёл шум. Хост шла чуть позади, вжимаясь в перила, — старалась не попадаться на глаза, но на неё никто не смотрел. Все смотрели вперёд, туда же, куда и мы.

Центральная площадка оказалась огромной. Я даже не представляла, что такое можно построить между деревьями. Широкий настил из досок, подвешенный между четырьмя стволами на канатах толщиной с мою ногу. На площадке — лотки с едой, скамейки, пёстрые навесы из ткани. Посередине — возвышение, вроде сцены.

Жители собирались. Те же лисы, ежи, белки, что вчера, и другие — я увидела двух кроликов в одинаковых шляпах, сову в очках (ту же? другую?), семейство мышей — целая толпа маленьких фигурок, суетливых и быстрых. Енот в клетчатом жилете раскладывал на лотке орехи, каждый в свою ячейку — медленно, старательно, с пустым взглядом.

На сцену вышел кто-то. Лис — высокий, тонкий, в красном камзоле с золотым воротником. Он поднял лапу, и шум стих.

— Жители Шейлеста! — Голос звонкий, хорошо поставленный. — Сегодня — день Шелеста Крон! Великий праздник нашего города! Да будут деревья крепки, а кроны зелены!

Толпа ответила. Негромко, нестройно:

— Да будут.

Лис улыбнулся. Улыбка была ровная, как нарисованная.
— Начинаем!

Заиграла музыка. Трое зверей — барсук с барабаном, белка с дудкой и кто-то пушистый, кого я не разглядела, с инструментом, похожим на маленькую арфу, — заиграли мелодию. Весёлую, прыгающую, вроде польки.

Сева дёрнул меня за рукав.

— Слышишь? Музыка! Хост же говорила — тут нет музыки, а вот она!

Я слушала. Музыка была... правильная. Ноты на месте. Ритм держится, но чего-то не хватало. словно играли не музыканты, а музыкальная шкатулка — механически, без ошибки и без души.

Жители начали танцевать. Пары кружились на площадке: лиса с ежом, кролик с кроликом, мыши — отдельной кучкой, маленькой и суетливой. Все двигались в такт. Все знали шаги.

Слишком хорошо знали.

— Хост, — прошептала я. — Это тот самый праздник? Который каждую неделю?

«Да. Каждую неделю. Тот же праздник. Та же речь. Та же музыка. Те же танцы.»

Я посмотрела внимательнее. Лис в красном камзоле стоял на сцене и улыбался. Та же улыбка — ровная, нарисованная. Енот раскладывал орехи — каждый в свою ячейку, медленно, тем же движением, что и пять минут назад.

И тут я заметила.

Кроличиха в синем платье танцевала с кроликом в шляпе. Они кружились — шаг, шаг, поворот. Всё красиво. Только кроличиха плакала. Тихо, без звука, по морде катились слёзы, а она всё кружилась, шаг-шаг-поворот, шаг-шаг-поворот.

У меня по рукам побежали мурашки.

— Сева, — я тронула его за плечо. — Видишь?

Он проследил мой взгляд. Увидел кроличиху. Улыбка сползла с его лица.

— Она плачет.

— И танцует.

— Почему?

«Потому что праздник. Все танцуют на празднике. Каждую неделю.»

— Но она же не хочет!

Хост не ответила. Опустила голову. Хвост прижат к боку.

Мы стояли на краю площадки — двое чужаков без шерсти и хвостов, и белая корова-лошадь, которую никто не слышит, — и смотрели, как город празднует праздник, который ненавидит.

Музыка играла. Барабан стучал: тук-тук-тук-тук. Одни и те же четыре удара, по кругу. Белка дула в дудку, глядя в одну точку. Мыши танцевали — все разом, одинаково, точно их дёргали за нитки.

Кроличиха кружилась. Слёзы капали на доски. Кролик в шляпе держал её за лапу и смотрел в сторону.

— Кира, — Сева повернулся ко мне. Лицо серьёзное, брови сведены. Такое бывает редко. — Это ненормально. Так нельзя.

— Я знаю.

— Надо что-то делать.

— Я знаю, Сева.

— Нет, ты не понимаешь, — он почти перешёл на шёпот. — Это же как... как если бы в школе каждый день был один и тот же урок. Каждый. День. Десять лет. Я бы сошёл с ума. Я бы тоже.

Музыка остановилась. Разом, как будто кто-то выдернул шнур. Лис на сцене поднял лапу.

— Благодарю всех! — Тот же голос. Та же интонация. — До следующего Шелеста Крон! Да будут деревья крепки!

— Да будут, — ответила толпа. Тише, чем в начале. Устало.

Жители расходились. Медленно, молча. Кроличиха в синем платье шла, опустив голову. Кролик в шляпе — на шаг позади, засунув лапы в карманы.

Енот собирал орехи обратно. Те же орехи. В те же ячейки. На следующей неделе он разложит их снова.

— Хост, — сказала я. — Когда следующий?

«Через семь дней. Такой же.»

— И так десять лет?

«Пятьсот двадцать праздников. Может, больше. Я перестала считать.»

Пятьсот двадцать раз одна и та же речь. Одна и та же музыка. Одни и те же танцы. Пятьсот двадцать раз кроличиха плачет и кружится, и никто не говорит ей — перестань, не надо, хватит.

— Идём, — сказал Сева. Голос жёсткий. Он развернулся и пошёл по мосту — быстро, почти бегом.

— Куда? — крикнула я вслед.

— Куда-нибудь! Подальше отсюда.

Я побежала за ним. Хост — за мной, копыта стучали по доскам.

Сева остановился через три моста, у перил. Вцепился в них и стоял, глядя вниз, на далёкую землю.

— Пятьсот двадцать, — сказал он. — Это... это как пытка.

— Да.

— И никто ничего не делает. Вообще никто?

— Хост говорит — Король говорит, что всё хорошо.

Сева повернулся.

— А Король — он вообще тут? На празднике?

Я моргнула. Посмотрела на Хост.

«Нет. Король не спускается. Он наверху. Всегда наверху.»

— То есть он даже не видит, что тут происходит?

«Видит. Не видит. Не знаю. Он — наверху.»

Сева стукнул кулаком по перилам. Не сильно — но перила загудели.

— Библиотека, — сказал он. — Ты же говорила — свитки.

Там написано, как это починить?

«Может быть. Я читала не все. Их много. Очень много.»

— Тогда идём. Сейчас. Все ушли с праздника — может, библиотека открыта.

Хост подняла голову. Уши развернулись — вперёд, как локаторы.

«После праздника — час тишины. Все отдыхают. Библиотекарь тоже.»

— Значит, библиотека пустая?

«Может быть.»

Сева посмотрел на меня. Я посмотрела на него. Мы оба знали, что это значит.

— Идём, — сказала я.

Хост развернулась и пошла вперёд. Быстро, уверенно — она знала дорогу. Она ходила этой дорогой все эти годы, когда все спали.

За нашими спинами лиса снова подметала мост. Вжих-вжих-вжих.

Глава 5. Те, кто устал

Хост вела нас по узким мостам, подальше от главных дорог. После праздника город замер — ни голосов, ни шагов. Час тишины. Все сидели по домам, и мы шли одни.

Мосты здесь были уже, доски — темнее и шершавее. Коегде не хватало перил, и я старалась не смотреть вниз, но Сева, конечно, смотрел.

— Высоко, — сказал он. С уважением, не со страхом. — Этаж пятый? Шестой?

— Не считай.

— Седьмой, наверное.

«Тише, — Хост остановилась. Уши крутились, как антенны. — Тут живут. Не надо шуметь.»

Мы притихли. Мост вёл мимо окон — круглых, тёмных, как закрытые глаза. За одним окном мелькнул огонёк — свеча? — и погас. За другим кто-то кашлянул, и стало снова тихо.

Хост свернула на боковую лестницу, и мы спустились на уровень ниже. Здесь мост был шире, и вдоль перил стояли двери — одна за другой, как в подъезде. Над каждой — табличка. Я не могла прочитать буквы, но рядом с некоторыми висели вывески-картинки: ножницы, молоток, иголка с ниткой.

Мастерские.

Одна дверь была открыта. Та самая — я узнала по горшкам на полках. Мастер Шип.

— Подождите, — сказала я и остановилась.

Сева посмотрел на меня вопросительно. Хост тоже.

— Можно я... — Я кивнула на дверь. — Просто посмотрю.

«Осторожно. Шип не злой, но он... устал.»

Я заглянула внутрь.

Мастерская была маленькая — два шага в ширину, четыре в длину. Полки от пола до потолка, горшки на каждой — одинаковые, ровные, завитушка-листок-завитушка. Посередине — гончарный круг, заляпанный глиной, и рядом — мастер.

Ёж. Не такой, каких рисуют в детских книжках, — большой, с ладонь, с иголками-иглочками. Этот был ростом с Севу. Иголки короткие, бурые, торчали из-под вязаной безрукавки. Лапы — маленькие, ловкие, в засохшей глине. Он сидел на табуретке и смотрел на гончарный круг. Не на горшки — на пустой круг.

Я постучала по косяку. Тихо.

Ёж повернулся. Глаза — мелкие, чёрные, блестящие. Он посмотрел на меня, на мои руки, на моё лицо без шерсти. Не удивился.

— Ты из тех, новеньких? — спросил он. Голос сиплый, как у человека, который долго молчал.

— Из каких новеньких?

— Видел вас на празднике. Без шерсти, без хвостов. Странные. — Он пожал плечами. Иголки на плечах чуть приподнялись. — Заходи, если хочешь.

Я вошла. Сева — за мной. Хост осталась у двери, просушила голову внутрь.

— Бродячая, — сказал ёж, покосившись на Хост. Без злости — назвал, и всё.

— Она с нами, — сказал Сева.

Ёж не стал спорить. Посмотрел на свой гончарный круг. Провёл лапой по краю — круг чуть качнулся.

— Ты делаешь горшки? — спросила я. Вопрос был глупый — горшки стояли повсюду, — но мне нужно было с чего-то начать.

Ёж хмыкнул. Короткий, сухой звук.

— Делаю. — Он кивнул на полки. — Один горшок. Вот этот.

— Один?

— Один и тот же. Каждый день. Сажусь за круг, беру глину, и руки сами делают. Тот же размер. Тот же узор. Завитушка, листок, завитушка. Даже если я хочу сделать другой — руки делают этот.

Он поднял лапы. Маленькие, с длинными пальцами — пальцами мастера. В трещинах засохшей глины, как в морщинах.

— Раньше я делал вазы. Кувшины. Тарелки с рыбами по краю — знаешь, когда рыбка гонится за рыбкой? Жители по-

купали, ставили на полки, а теперь...

Он замолчал. Махнул лапой на полки.

— Теперь — горшки. Пятьсот одинаковых горшков. Некоторые я выбрасываю, чтобы полки не обрушились, и делаю новые. Такие же.

Сева подошёл к полке. Взял горшок, покрутил в руках. Завитушка, листок, завитушка. Поставил обратно.

— А если не садиться за круг? — спросил он. — Ну, просто не делать?

Ёж посмотрел на Севу. Долго, тяжело.

— Пробовал. Сидишь, не делаешь, а потом замечаешь, что уже за кругом. Что руки уже в глине. Что горшок уже на половине. Время... оно не заставляет. Оно просто возвращает. Как река — ты стоишь, а она несёт.

Я посмотрела на Хост. Она стояла в дверях, голова опущена. Она знала всё это. Все эти годы знала.

— А ваши... — я поискала слово, — ваши дети? Они тоже?

Ёж моргнул. Иголки на затылке чуть шевельнулись.

— Сынок. Шустрик. Ему было шесть, когда всё началось. Ученик. Я его учил гончарному делу. Он должен был стать мастером. Своя мастерская, свои горшки — ну, нормальные горшки, не вот это.

Он ткнул лапой в полку.

— И?

— И ничего. Ему всё ещё шесть. Десять лет — и всё ещё шесть. Всё ещё ученик. Всё ещё делает те же кривые миски, что делал в первый день.

В горле встал ком. Десять лет — и не вырасти. Навсегда остаться тем, кем был.

— Где он сейчас? — спросил Сева тихо.

— Дома. Спит. Он много спит последний год. Не хочет просыпаться — а зачем? Всё равно день будет такой же.

Ёж Шип смотрел на свой гончарный круг. Маленький мастер с большими руками, который столько лет делает один и тот же горшок. У которого сынок десять лет не может вырасти.

— Мы поможем, — сказал Сева.

Ёж поднял глаза.

— Поможете?

— Мы... — Сева посмотрел на меня. — Мы из тумана. Нас послали, чтобы помочь.

Я ждала — ёж засмеётся, или скажет «ерунда», или просто промолчит.

Он не засмеялся. Посмотрел на нас — долго, внимательно, как будто решал, стоим ли мы доверия. Потом сказал:

— Десять лет назад тоже был туман. Я помню. Тогда все ждали — придёт кто-нибудь, поможет. Никто не пришёл. —

Он помолчал. — Но туман был. Значит, кто-то должен был прийти. Может, опоздал. Может — вы.

Он отвернулся к кругу. Провёл лапой по глине — привычным, заученным движением.

— Идите. Делайте, что должны. Только... — Он замолчал. Потом тихо: — Только поторопитесь. Мы устали.

Мы вышли. Дверь за спиной осталась открытой. Из мастерской донёсся скрип гончарного круга — ёж снова работал. Пятьсот первый горшок.

— Кира, — сказал Сева. Голос хриплый. — Он сказал — его сын не может вырасти.

— Да.

— Десять лет.

— Да.

Сева шёл молча. Руки в карманах, голова опущена. Он не шутил, не говорил «круто», не лез первым. Такого Севу я видела редко. Только когда что-то задевало по-настоящему.

Мы прошли мимо ещё одной мастерской — закрытой. Мимо двери с вывеской-ножницами — тоже закрытой. Мимо окна, за которым кто-то тихо напевал — одну и ту же мелодию, по кругу, без начала и конца.

Потом мост кончился, и мы вышли на широкую развилку — три моста расходились в разные стороны. На развилке стоял столб, а на столбе — доска. Объявление? Указатель?

Я подошла ближе.

Доска была старая, тёмная от времени. На ней — буквы,

которые я не могла прочитать, и рисунок: дерево с раскидистой кроной. Под деревом — дата? Число? Я не поняла.

Но под доской, на самом столбе, были нацарапаны линии. Короткие, ровные, по четыре в ряд, пятая — наискосок. Как в тюремных фильмах, когда считают дни.

Линий было много. Очень много. Они покрывали столб целиком — сверху донизу, со всех сторон. Сотни. Может, тысячи.

— Кто-то считает, — сказал Сева.

«Считает дни. Одинаковые дни. Каждое утро — новая линия. Каждый вечер — ничего не изменилось.»

Я провела пальцем по засечкам. Дерево было шершавым, тёплым. Каждая линия — это чьё-то утро, когда кто-то проснулся, понял, что ничего не изменилось, и всё равно встал, взял нож и добавил ещё одну чёрточку.

Зачем? Может, чтобы не забыть, что дни всё-таки идут. Даже если одинаковые.

— Библиотека, — сказала я. — Где?

Хост кивнула на левый мост.

«Туда. Самое толстое дерево в городе. Увидите.»

Мы пошли. За спиной остались горшки мастера Шипа, его сын, который не может вырасти, и столб с тысячей засечек.

Впереди — библиотека. И, может быть, ответы.

Глава 6. Библиотека

Самое толстое дерево в Шейлесте — это не преувеличение. Я видела старые дубы в парке, и мне казалось — ого, здоровенные. Это дерево было другое. Ствол уходил вширь, как стена дома — нет, как два дома, поставленных рядом. Кора на нём была не бурая, как на остальных, а почти чёрная, гладкая, и если приложить ладонь — тёплая, как батарея зимой.

Дверь тоже была огромная. Двустворчатая, тёмного дерева, с узором — переплетённые ветви и листья, вырезанные так тонко, что казались настоящими. На одной створке — бронзовая ручка в форме совы. На другой — замок. Открытый.

— Час тишины, — прошептала я. — Все отдыхают.

«Библиотекарь Фило тоже. Он засыпает после праздника. Каждый раз.»

— Фило — это сова? — спросил Сева, кивнув на ручку.

«Филин. Старый. Строгий, но сейчас спит.»

Сева потянул ручку. Дверь открылась — тяжело, со вздохом, точно не хотела впускать, и мы вошли.

Внутри пахло. Не деревом, не корой — бумагой. Старой, сухой, с привкусом пыли и чего-то сладковатого, вроде ванили. Я знала этот запах — так пахли старые книги у бабушки на даче, которые стояли на верхней полке и которые никто

не читал.

Только тут читали, или читали когда-то.

Библиотека занимала всё дерево. Ствол был выдолблен изнутри — огромный цилиндр, от пола до... я задрала голову и не увидела потолка. Полки шли по стенам — винтовой спиралью, от земли и выше, выше, выше, пока не терялись в полумраке. На каждой полке — свитки. Сотни. Тысячи. Перевязанные лентами, сложенные в стопки, торчащие из ячеек, как трубки из органа.

Посередине — лестница. Тоже винтовая, узкая, с перилами из тёмного дерева. Она обвивала внутреннюю стену и уходила вверх, к верхним полкам.

На первом уровне стоял стол — массивный, заваленный свитками. На столе горела масляная лампа, и в её свете я увидела кресло. В кресле, свернувшись калачиком, спал филин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.